

Неокрепшая зрелость, ты память мою озадачь
Надвигающим кепку подростком в немодном прикиде,
Зарывающим тайны из книжной своей пирамиды
На задворках одной из случайно построенных дач.
Примостила тома и из книжек построила мост
В заповедный мирок со «вчера», и «сегодня», и «завтра»,
Где упорно росла НТР из хребта динозавра,
Громоздя нашу Землю на хобот, на панцирь и хвост.
Неуемный подросток, справляясь с задачей в уме,
Всем пример подает, как решать непростые примеры.
На мосту отзывается мягкая поступь Венеры,
Восходящей из пены навстречу стареющей мне...
Мне Господь ортодокса милее античных богов.
По пустыне бродивший в немодном в то время прикиде,
Иордан освятивший, вкушавший лишь мед и акриды,
Возвещает благое Святой Иоанн Богослов.
Громовые раскаты, в негаснущем небе рыча,
Вышибают дождливые капли из щедрого неба.
Словно плачет о рае, потерянном глупостью, Ева.
Нам остался лишь деготь. И, может, еще саранча...
Брови хмурю под кепкой, взбираясь на верхний этаж
Пирамиды моей многотомной. Маячит разлука:
Динозавр умирает, Венера, печально безрука,
Новоселье справлять поспешает теперь в Эрмитаж.
А живое – оно навсегда поселилось не там,
А на даче случайной, и вовсе она не приелась.
Видно, крепнет во мне потихоньку проросшая зрелость,
Как букварь, мою душу слагая по нужным ладам.
После грома в природе, а нынче еще и во мне,
Вроде все как и прежде. Подросток все в том же прикиде.
Но готова не дрогнувшим голосом крикнуть: «Изыди!» –
Я хотевшему место во мне застолбить сатане.

Моргнувши пару раз, фонарь ослеп
И в бездну мрака взял луну-подружку.
Через скакалки плещущихся ЛЭП
Перелетают голуби к кормушке.
В кромешной тьме, которой ночь щедра,
Сквозь караваны черных туч транзитом
Спешат, не дожидаясь до утра,
Навстречу ветру. Знают, что пронзит он
Холодным острым жалом. Впереди
Летят другие стайкою, легато,
Как будто в птичьей маленькой груди

Под опереньем спрятан навигатор.
Их клин похож на парусный корабль
С пернатым капитаном за кормилом,
Зовут на пир древесная кора
С избушкой, что не раз уже кормила...
Вот так, когда невзгодам вопреки
Стремишься к цели телом и душой,
То бремена становятся легки,
Из малой – цель становится большой.

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

Говорят, война заставляет взрослеть быстрее,
А порой, напротив, она же и молодит.
Вот казалось: он давно невозвратно стареет.
Весь – потухший взгляд, да и в целом потухший вид.
На ходу скрипят, как несмазанная телега,
В нем душа и голос, и в теле каждый сустав.
Но случилось так, что забытыми стали эго,
Дом и пенсия – знает он, запасник, Устав.
Как щелчком – гипноз, он апатию разом скинул,
Распрявилась враз ревматоидная спина,
На его, опять офицерски прямую, спину
Целый полк задач водрузила теперь война.
Взгляд горит огнем, как снаряд, покидая пушку.
Он не просто воин – он здесь полковой начарт.
И теперь боец, вспоминая жену-старушку,
Шепчет ей прощанье. Атаку спешит начать.
Он бежит, как спринтер. И только сверкают пятки.
И не чувствует боли, хоть пятки до крови стер.
С боевой подругой – вернейшей сорокапяткой –
Рука об руку он вбегает в войны костер.
Вот бывает – смерть, что людей возвращает к жизни.
Дым – что взгляд не застит, а делает взгляд ясней.
С боевой подругой, забывши о ревматизме,
В сорок пятый год мчится он навстречу весне.
И потом за чаркой водки, с друзьями на спор
(Их из школы – в бой, с арифметикой – не лады),
Скажет он: «Я дед! Не верите? Гляньте в паспорт!»
Впрочем, что бумажка? Он стал совсем молодым.

Я хочу быть немного Бродским,
Чтоб меня с моим носом с горбинкой,
Строгим блеском очечных дужек
И нарядом простым, неброским
Прописали бы, как аскорбинку.
Даже пусть не любили б дуже
Или походя оскорбили,
Но считали лицом эпохи.
Перспективы весьма неплохи.
И бродить я хочу, не пасуя пред бродом,
По дороге, ведущей к нездешним свободам.

Может, буду чуть-чуть Есенин,
Жить наотмашь, резво и скоро,
Бесшабашностью всех дивить.
И легко в деревенские сени
Забегать, обнимать просторы
И черемухе кудри вить,
И общаться с рощей осенней,
Языком говорящей березовым,
На коне восседая розовом.

Я хочу подражать в непохожести,
Через слепок себя обрести,
Избегая банальность и штамп,
Чтобы шел изнутри, из-под кожи, стих.
Как Цветаева, страстью цвести,
Быть Художником, как Мандельштам.

Перекидывать строфы, как мячик,
Я хочу Маяковским маячить,
Словно маятник времени нашего.
Или, может, без дряг и склок,
Воспевать красоту, как Блок,
Даже, может, ее приукрашивать.

Или дальше ступить в неизведанный век
И смотреть, словно Кедрин, куда-то наверх,
Где зияют во свете незрячие очи
Ослепленных сатрапом талантливых зодчих.
Но подумала я хорошенько...
Лучше быть хоть чуть-чуть Евтушенко.
Он же тоже хотел взять у всех по чуть-чуть,
А избрал тот единственный – собственный – путь.
И, наверное, многое сделаю,
Чтобы стать хоть чуть-чуть его Беллою,
Горделивою лебедью белою
Перед стаей ворон оголтелую.

Быть на всех них похожей хочу я,
Век грядущий в минувшем почуять,
Черпать силы у гениев оных,
Но не быть никогда в эпигонах.
Стать похожей на них не манерой,
А какой-то безмерною мерой,
Глубиною сердечных томлений
И ума высотой стремлений,
Широтою души, остротою пера...
Только в Вечность пока мне еще не пора.